

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1969.1.05>

Е. РИХТЕР

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ У РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИЧУДЬЯ

Причудье, так называют западный берег Чудского озера, заселено в основном русскими. В отличие от эстонских поселений хуторного типа здесь стоят большие компактные деревни, среди них два города — Муствэз и Калласте (бывшие посады Черный и Красные горы). Жители их составляют примерно 4,2% русского населения Эстонской ССР, проживающего главным образом в городах республики.

Население Причудья — потомки переселившихся сюда в конце XVIII — начале XIX века последователей двух течений старообрядцев-беспоповцев: новопоморского согласия и старопоморского согласия, или федосеевцев. Из всех беспоповцев Прибалтики (150—160 тыс. человек¹) это самая маленькая группа, примерно 10 тысяч человек. В прошлом жители значились мещанами, вплоть до 1940 года земли они не имели, занимались рыболовством, отходничеством на каменное строительство, огородничеством на приусадебных участках.

Рыболовство и огородничество не утратили своего хозяйственного значения и в настоящее время. И в этом объект исследования, город Калласте, не составляет исключения. В городе находится передовой рыболовецкий колхоз им. 21-го июня, который объединяет 100 членов. Жены рыбаков выращивают на продажу лук. Другие жители работают на небольших предприятиях легкой промышленности (промкомбинат «Калев», цех Тартуской гребеночной фабрики), в строительной межколхозной организации, административных и культурных учреждениях.

Наличие комплекса производственных ячеек, школы-десятилетки, ремесленного электротехнического спецучилища, несомненно, способствует проникновению в быт населения бывшего посада городских образцов быта. Тем не менее, Калласте еще не город. Жители до сих пор называют его деревней, а в целом его следует отнести к мелким (менее 2 тыс. человек) городам-селам, в которых сохраняется много элементов, присущих деревенскому общественному быту.

Из широкого круга вопросов, связанных с современным бытом и культурой русских жителей западного Причудья, один из важнейших — состояние религиозности у них в настоящее время.

Фиксация числа верующих людей, силы их религиозности, места обрядности в общественной и семейной жизни имеет не только частный, но и общий интерес, так как дает возможность определить особенности последней стадии существования широко распространенного некогда фанатического религиозного течения.

Собранные на месте этнографические материалы и малочисленные письменные источники показывают, что религиозность и культ, которых придерживались старожилы Причудья в течении последних 100 лет, не оставались неизменными. Начиная со

¹ Ф. Федоренко, Секты, их вера и дела. М., 1965, стр. 105.

второй половины XIX века их понемногу расшатывали развитие капиталистических отношений и отходничество, позже — распространение грамотности через школы, открывшиеся в начале XX века. Постепенно исчезла моленная одежда, нарушались посты — не только на стороне отходниками, но и на месте — дома. В Калласте молодежь «в потаёк» от родителей танцевала модные в начале XX века танцы — польку, коробочку, па-д'эспань, некоторые парни стали курить.

Эхо Октябрьского восстания в Петрограде, докатившись до Причудья, вызвало здесь большой подъем политической активности населения. Впервые староверы приняли участие в политической борьбе. В Калласте были организованы отряд Красной гвардии, комитет деревенской бедноты.

В период, когда русское население Причудья входило в состав буржуазной республики (1920—1940 г.), религиозная обрядность всячески активизировалась старообрядческими центрами Прибалтики, которые стали легальными еще по манифесту 1905 года. Несмотря на деятельность школ и Союза русских культурно-просветительных обществ для значительной части населения Калласте комплекс религиозных предписаний и моленная продолжали оставаться основными регуляторами обычных норм морали, семейной жизни и общественного быта. Почвой, их питающей, были трудные экономические условия, опасность рыболовного промысла, низкий уровень образования, национальная обособленность, консервация многих черт патриархального семейного уклада.

Даже пережив события последней войны, эвакуацию в советский тыл, пройдя фронт, попав в совершенно новые социально-экономические условия, многие жители Калласте сохранили довольно сильные элементы старообрядческой религии в быту. Для определения степени религиозности и форм ее проявления в марте 1966 года в Калласте было обследовано 70 семей, большую часть которых составляли семьи рыбаков — потомков староверов-новопоморцев.

Результат обследования должен был свестись к более или менее точному определению количества верующих, неверующих и тех, кто придерживается обрядности, игнорируя ее религиозную сущность. Вопросы необходимо было построить таким образом, чтобы по ответам можно было выявить степень религиозности, следование традиционной обрядности, к тому же установить лидера, т. е. главного человека, который ведет и всю обрядность и проповедует веру в семье.

Перечисленный круг вопросов теоретического плана был переведен в конкретные, в общем-то несложные вопросы, на которые люди отвечали без всякой опаски. В каждой группе вопросов имелся главный, ответ на который давал материал для одной из поставленных задач.

1. Для определения степени индивидуальной религиозности ставились три вопроса: исповедуется ли, ходит ли регулярно в моленную, держит ли пост.

2. Для определения устойчивости религиозной обрядности задавались вопросы: кто из семьи посещает моленную в дни основных религиозных праздников, как, по их мнению, следует хоронить покойников — по церковным или по гражданским обрядам.

3. Лидерство в следовании религиозным культам в семье должно было проявиться из ответов на вопросы: кто сговаривается о крестинах с наставником, кто зажигает лампаду перед иконой, кто носит святить «пастку» в моленную.

Анкета, кроме того, включала вопросы о некоторых формах проведения досуга — читают ли газеты, журналы, смотрят ли телевизор. Эти данные давали возможность судить о культурном уровне опрашиваемых и о воздействии на них средств массовой пропаганды.

Методом опроса было избрано интервью. Для проведения обследования таких интимных сторон общественного быта, как религиозность, этот метод, по нашему мнению, является наиболее эффективным, а, возможно, даже и единственным. Печатная анкета могла вызвать настороженность людей, что, несомненно, отразилось бы на качестве информации — ее полноте и достоверности. Раздача печатных анкет в

Калласте не годилась к тому же из-за низкого уровня образования и даже неграмотности некоторых пожилых людей.

Поскольку хождение по домам оказалось малоэффективным (за несколько дней — 15 семей), было проведено обследование 40 работниц вязального цеха Комбината бытового обслуживания — жен и дочерей рыбаков и строителей Калласте. Работе помогали и учителя местной десятилетки, они заполнили 15 анкет.

В анкету интервьюируемого вписывались не только ответы о нем самом, но и данные относительно всех членов семьи. В результате общее число обследованных и составило 170 человек. В Калласте значится 342 старожильческих русских семьи. Из них было обследовано 70, т. е. 20%. Выборка объектов была случайной и 20%-ная репрезентация вполне позволяет распространить выводы на всю генеральную совокупность.

Полученные данные помещены в таблицы по четырем возрастным группам.

В первую группу — 27 человек (условно можно назвать внуками) — включены люди от 17 до 32 лет (рождения 1934—1949 гг.), которые учились в послевоенный период в советской школе. Вторая группа — 53 человека («детей») — составлена из людей 33—45-летнего возраста (рождения 1919—1933 гг.), помнивших 1940-й год — год восстановления Советской власти в Эстонии, переживших войну на фронте, в эвакуации или на оккупированной территории, что, несомненно, оказало влияние на их сознание. Третья группа — 24 человека («отцов») — включает людей 46—55-летнего возраста (рождения 1910—1918 гг.). Их мировоззрение формировалось еще в буржуазной Эстонии, но и они — свидетели и участники событий 1940 года. «Отцы», пережив Великую Отечественную войну, также как люди II группы, составили ядро трудоспособного населения в послевоенный период. Четвертая группа — 66 человек («деды») — люди 56-летнего возраста и старше. Религиозные догмы и обрядность были заложены в них с детства, поддерживались семьей в период буржуазной Эстонии.

Таблица 1

Индивидуальная религиозность у различных половозрастных групп русского старожильского населения Калласте (в процентах к общему числу опрошенных лиц)

Показатели индивидуальной религиозности	Мужчины				Женщины			
	I	II	III	IV	I	II	III	IV
Ходят исповедоваться	—	28	66,6	82,6	—	36	73	98
Ходят в моленную (регулярно)	—	4	11	25	—	11	13	32
Постятся	—	—	—	13	—	—	—	12

Среди разнообразных проявлений индивидуальной религиозности на первое место следует, по-видимому, поставить регулярное хождение на исповедь. Желание снять грехи, покаяться, «очиститься» идет от веры человека в бога.

На исповедь ходят весной, во время великого поста, одну неделю — мужчины, другую — женщины. За 7 недель у наставника бывает примерно $\frac{1}{3}$ мужчин и женщин в возрасте 33—45 лет, $\frac{2}{3}$ мужчин и женщин в возрасте 45—55 лет и 80—98% пожилых людей.

Оставим пока в стороне вопрос адекватности таких явлений, как хождение на исповедь и религиозность. Рассмотрим причины устойчивости этого религиозного предписания.

Судя по рассказам самих жителей, исповедь — это формальная церемония, во время которой наставник перечисляет установленные грехи, а ему на все вопросы отвечают: «грешен, батюшка». Наказание, которое налагает наставник, теперь гораздо слабее, чем раньше. В начале XX века, например, отходники-каменщики и рыбаки по возвращении из мест, где они общались с «мирскими», пили водку и не постились, должны были после исповеди отбить 500—600 поклонов с молитвами. Теперь им назначают 100—200 поклонов, но, отдав рубль за исповедь, люди часто не выполняют и это облегченное наказание.

Основываясь на высказываниях местных жителей и наблюдениях, можно утверждать, что на исповедь большинство людей идут в силу социальной инерции, по привычке, унаследованной с детства, подчиняясь порядку в семье (родители ходят), воле матери или свекрови («пока мама жива была, она весь закон держала, а я теперь оставила это»).

Кроме того, в Калласте почти в неприкосновенности сохранились черты сельской общности, при которых главнейшие события в семье членов социального коллектива касаются если не всего коллектива, то значительной его части. Демографические процессы — рождение и смерть — неизменно сохраняют первостепенное значение в жизни населения. Обычай предписывает до мелочей всю церемонию обряда. Ведут его и следят за исполнением старики, преступают общепринятые нормы люди редко. В Калласте, как и во всем Причудье, принято отводить похороны по церковному. Придерживаясь норм, старухи готовят заранее смертную одежду, запасают 3—4 кг воска для свечей, собирают деньги на поминки. Но похороны наставник проводит только в том случае, если человек при жизни регулярно ходил исповедоваться. Вот и ходят люди исповедоваться, чтобы после смерти их похоронили с наставником. Некоторые, наконец, идут на исповедь боясь смерти, желая обеспечить себе «спасение души». Когда 48-летняя работница Промкомбината серьезно заболела, то: «такой на меня страх напал, ведь что-то есть... Чуть оправилась, сразу побежала исповедоваться». Старый рыбак, неверующий и не придерживающийся религиозной обрядности, перед самой смертью послал за наставником, чтобы тот его исповедовал.

Итак, материалы опроса показывают, что вывод — «если человек исповедует, то он религиозный», — нельзя делать без оговорок, так как значительную роль в выполнении этого религиозного предписания играют следование традиционным нормам семейного и общественного быта Калласте.

Более или менее определенным признаком индивидуальной религиозности является и регулярное посещение моленной. Из 170 опрошенных человек регулярно ходят в моленную 27 человек. На деле же моленная пустует, на обычной воскресной службе присутствует 10—16 стариков, случается, как рассказывают, что и никто не приходит. Почему так? «Церковь-то близко, да ходить склизко», — гласит местная пословица. Нет времени, плохо со здоровьем — вот обычные объяснения старых людей, «хладнокровных» к религии. Хожение в моленную считают обязательным, как правило, одинокие набожные старики и старухи, стоящие в стороне от общественной и производственной жизни города.

Некогда моленная была не только местом общения с богом, но и одним из основных центров, где регулярно собирались люди разных поколений, где обменивались новостями, где, наконец, по установленному порядку полагалось быть. В настоящее время моленная перестала быть таким центром. И даже старым людям, живущим в семье, интереснее смотреть телевизор, нежели выстаивать службу, хотя в оправдание того, что они остаются дома, и находятся разные причины. Моленная собирает, в основном, лишь тех стариков и старух, для которых посещение богослужений, похорон, поминок стало главным в их повседневной жизни.

Включен в раздел таблицы, характеризующей индивидуальную религиозность, и вопрос о соблюдении постов. Посты некогда были обязательны для верующих. Нарушать это предписание начали давно, в конце XIX века. Уже это дает основание рассматривать соблюдение постов как устойчивый признак особенной религиозности человека. Действительно, несколько старых людей в Калласте постятся, соблюдая великий пост, рождественский, успенский, среду и пятницу каждой недели. Впрочем, и они уже нарушают строгое предписание — едят рыбу в период великого поста. Регулярно держат пост глубокие старики и так наз. божьи люди (о них речь впереди).

Шире распространен среди стариков обычай поститься только одну, последнюю неделю великого поста (мужчин — 17,4%, женщин — 16,2% от числа опрошенных). Остальные же посты большинство стариков либо полностью игнорируют, либо сознавая некоторую греховность этого, отговариваются нездоровьем и дефицитом нужных продуктов (таких, например, как грибы, конопля, толокно, рис), часть которых,

кстати, вполне доступна. Следовательно, идея обязательности поста еще существует в сознании религиозных людей, которую, впрочем, они никому не навязывают. Молодые люди не высмеивают постящихся стариков, а старики не пытаются склонить к посту других членов семьи.

Итак, данные опроса по индивидуальной религиозности показывают, что довольно устойчиво среди населения Калласте сохраняется привычка ходить исповедоваться. Посещение моленной в обычные дни резко сократилось. Теперь это не считают обязательным даже верующие старики. И, наконец, самым малозначимым в системе индивидуальной религиозности является соблюдение постов.

Для выяснения индивидуальной религиозности необходимо было бы провести и обследование религиозного мировоззрения. Однако эта цель нами не ставилась. Разработка проблемы мировоззрения требует особой методики и сама тема составляет предмет самостоятельного изучения.

Культ называют видимой стороной религиозной жизни. Традиционные культовые действия осуществляются и в моленной и в семье.

У староверов Калласте по сей день сохранилась более или менее развитая обрядность, связанная с важнейшими семейными событиями и религиозными праздниками. Важно определить — какие виды обрядности наиболее распространены в настоящее время, кто в семьях руководит проведением обрядов и какова религиозная насыщенность существующих культов.

Из традиционных семейных обрядов рассмотрим крестины и похороны (брак у староверов не считается таинством).

Крестины. В послевоенные годы рождение ребенка стало важным семейным праздником. Посещение матери и новорожденного называют «ходить на варуши».

В конце XIX — начале XX века на варуши ходили только ближайшие соседки и родственницы. Каждая с собой брала испеченный для этого случая пирог или крендель, в доме роженицы их угощали чаем — «и ни басен, и ни песен»... Теперь же, как говорят старухи, — «так широко справляют, что не поймешь, варуши это или свадьба». На варуши идут не только женщины, но и мужчины. Для матери и ребенка заготавливаются дорогие, обычно коллективные, подарки, гостей встречают обильным угощением. Варушам предшествуют крестины ребенка.

Как следует из материалов опроса, крестины считают необходимостью (в процентах к общему числу опрошенных):

Таблица 2

	I	II	III	IV
мужчины	—	4	—	43,5
женщины	—	17,8	46,7	74,4

Ведущая роль в организации крещения принадлежит пожилым людям, главным образом женщинам. Они сговариваются с наставником, выбирают крестных отца и мать, настаивают на крещении, если родители ребенка неверующие.

Забота стариков о поддержании единоверия в семье понятна. А как относятся к ритуалу крещения люди среднего возраста и молодые родители? Это выясняется из данных табл. 3.

Как показывают данные, сравнительно активно выступают против крещения детей отцы в тех местных семьях, которые живут отдельно от стариков. Из числа опрошенных они составляют 50%. В семьях же, где невестка или зять — не староверы, отцы новорожденных относятся к этому обряду равнодушно, т. е. не являясь инициаторами, соглашаются на крещение ребенка. Как рассказывают жители, активно выступают против обряда лишь люди с высшим образованием и члены партии.

Можно ли считать высокий процент крещеных детей в Калласте свидетельством

Таблица 3

Отношение к крещению людей среднего возраста и молодежи

Состав семьи	Член семьи	Участие в крестинах, %		
		активное	не соглашаются крестить	пассивно разрешают крестить
Семья, живущая без стариков	муж,	12,5	50	37,5
	жена, 33—45 лет	25	37,5	37,5
Семья, в которой живет зять «чужой веры»	зять	—	42,8	57,2
	теща	100	—	—
	дочь	22	56	22
Семья, в которой живет невестка «чужой веры»	свекровь	100	—	—
	сын	—	33,4	66,6
	невестка	11	44,5	44,5

религиозности людей среднего и молодого возраста? Очевидно нельзя, если учесть обстоятельства, сопутствующие крещению.

В современном праздновании по случаю рождения ребенка обряд крещения уже не играет решающей роли, главное здесь — широкое угощение гостей. Родители ребенка уступают настояниям стариков окрестить внука или внучку, сами в общем-то уже не будучи убежденными в надобности обряда и относясь к нему равнодушно. Особо следует учитывать нежелание молодых идти поперек воли стариков и некоторую их зависимость. Ведь если муж и жена работают и ребенок остается на попечении старухи-матери или свекрови, то с ее мнением приходится считаться.

Весьма важной частью церемонии крещения всегда было наделение ребенка именем. Раньше считалось строго обязательным нарекать ребенка именно тем именем, которое выпадает в святцах на день его рождения. Отсюда сохранность таких архаичных церковных имен, как Лукия, Феофания, Акилина, Мистрида, Ирinarий, Увеналий, встречающихся еще даже у людей 20—25-летнего возраста. Теперь детей называют современными именами независимо от святцев, что свидетельствует о нарушении важнейшего религиозного обряда.

Приведенные в табл. 3 данные касаются крещения не только детей, но и взрослых — людей «чужой» веры. Раньше, до 1940 года, браки с инаковерующими были вообще запрещены. Если и случалось принять в дом зятя или взять невестку православного или лютеранского вероисповедания, то их обязательно перекрещивали в свою веру. Положение изменилось в послевоенные годы. С 1946 по 1960 год в Калласте зарегистрировано 73 смешанных брака. Невесток, принятых в семью в 1945—1947 гг., еще перекрещивали. Обычно это происходило в тех случаях, когда родители мужа активно настаивали на крещении, а молодая женщина из равнодушия или послушания шла на это.

Но бывало и по-другому. Молодой строитель в 1948 году привез жену из Гдовского района Псковской области. Свекровь сразу предупредила невестку: «Или ты переходи в нашу веру или сохраняй наш порядок — пользуйся другой посудой и мой ее отдельно». Заступился муж: «Как это Катя поганая, она моя жена. Значит и я поганый? Бросай, мама, эту канитель». «Ладно, — сказала мать, — будем вместе есть, я лучше за вас лишний раз лесенку отмолюсь».² Но когда у молодой пары появились дети (в 1949 и 1952 гг.), то их свекровь окрестила, и с нею не спорили, не разрешили крестить лишь последнего сына (1954 г. рождения). Следовательно, активный протест против крещения жены не распространился на первых детей. Молодые не считали этот вопрос заслуживающим особого внимания.

² Т. е. прочтет столько молитв, сколько рубчилов в лестовке.

Примеров примирения родителей (порой атеистов) с тем, чтобы их ребенка покрестили старики — много. Следовательно, обряд крещения означает для молодых скорее пассивное соглашение со стариками, нежели чувство религиозности.

Похоронный обряд. В Калласте примерно 80% похорон проводит наставник. Гражданские похороны составляют около 20%.

В городах и районах ЭССР гражданский обряд похорон получил большое распространение, процент церковных похорон падает из года в год. Чем же объясняется преобладание его в Калласте?

В ходе обследования ставился вопрос — какие похороны по вашему мнению лучше и правильнее — «с батькой» или «с музыкой» (так называют здесь гражданские похороны)? Результаты приведены в табл. 4.

Таблица 4

Отношение к похоронному обряду, %

	Мужчины				Женщины			
	I	II	III	IV	I	II	III	IV
Считают, что надо хоронить с наставником	—	28	67	87	9	53,5	67	98
Считают, что надо хоронить по гражданскому обряду	40	12	22	13	41	14	13	—
Не задумывались об этом, уклонились от ответа	60	60	11	—	50	32	20	2

Похоронный обряд у староверов Калласте выполняется по тщательно отработанной традиционной форме. Над покойником в течение трех суток идет непрерывное чтение молитв. Затем проводится двухчасовое отпевание в моленной, куда собирается довольно много народа, так как на похоронах, кроме родных (местных и приезжих из города), близких и соседей, обязательно присутствуют верующие старухи и старики. В моленной зажжены люстры, горят все свечи перед иконостасом и иконами.

Вся обстановка моленной во время похорон: гроб, поставленный перед иконостасом, покойник в белом саване и с полоской молитвы на лбу, черные платки на головах женщин, горящие свечи, чтение молитв наставником, концентрация внимания присутствующих на таинстве смерти — создает торжественность и сильно действует на эмоции людей. Совсем нелегко определить, что превалирует у собравшихся при этом: религиозность или привычный эмоциональный настрой.

Сравнивая данные табл. 4 и 1, видим, что у мужчин всех возрастных групп они совпадают, т. е. число тех, кто ходит исповедоваться, и тех, кто высказывается за похороны с наставником, почти одинаково. Несколько иная картина у женщин: из опрошенных за похороны с наставником высказались в I группе — 9%, во II — 53,5%; ходят исповедоваться: в I группе — никто, во II — 36%.

Следовательно, не придерживаясь религиозной основы (не ходят исповедоваться), женщины тем не менее предпочитают церковные похороны гражданским. Причина, по всей вероятности, заключается в устойчивости привычных стереотипов и силе эмоционального воздействия традиционного обряда. Это следует и из доводов, которые выдвигаются в защиту церковных похорон. Их можно свести к трем основным моментам:

1. «Человек не скотина. чтобы его просто в землю зарывать» (т. е. без исповеди и молебна).

2. «Невозможно совместить такую печаль, как смерть — с музыкой» (работница Промкомбината «Калев» сказала, что у нее «волосы дыбом встают и сердце слабеет», когда она слышит музыку на похоронах).

3. Гражданские похороны в Калласте проходят не так торжественно и красиво, как в других городах Эстонии, поэтому пусть уж будут «с батькой».

По существу все три высказывания — и теоретического плана (1) и эмоционального (2, 3) — есть ни что иное как выражение того нейродинамического стереотипа³, роль которого в религиозной психологии староверов еще очень велика.

Немалое место занимает похоронный обряд и в социальной жизни населения Калласте. После похорон отводят поминки, приглашают людей «на 3—4 стола» (т. е. 3—4 партии по 15—20 человек). Поминки вместе с похоронами обходятся семье примерно в 300—400 рублей, но их делают непременно, чтобы люди не осудили: «Обед поминальный отводят еще из-за людского разговора, так большинство людей». Характерен случай, который подтверждает эти слова калластеской жительницы: в 1966 году умер от перелопа 40-летний рабочий-строитель. По наблюдающемуся обычаю наставник хоронить его отказался. Были организованы гражданские похороны. После них по Калласте пошли пересуды. Подверглись осуждению не причина смерти, не похороны без наставника, а то что вдова не отвела поминки после похорон. И еще один пример: работница Промкомбината, многолетняя вдова, исполняющая многие религиозные обряды, наотрез отказалась ходить на исповедь, куда посылали ее верующие родственники: «Меня посылают, а я не иду... Уми, так похороны обойдутся в 200—300 рублей. Если же без батьки, то дешевле». Тем самым пожилая женщина признает первостепенное значение поминок в церковных похоронах, религиозная же сущность обряда — спасение души — отнесена ею на второй план.

Похоронный обряд у староверов Калласте — сложный комплекс. В нем отражены и религиозные представления людей и обязательные для данной группы населения социальные нормы. По сей день похороны — самый значимый, самый устойчивый обряд, переданный почти без изменений предыдущими поколениями. И так, важнейшие события в семье — рождение и смерть — еще в наше время сопровождаются традиционной обрядностью, которая, впрочем, теряет постепенно свою религиозную сущность. Замена ее новой обрядностью будет происходить постепенно, по мере повышения общего культурного уровня, роста активности населения, распространения новых советских обрядов. Не следует забывать, что «всякое чувство всегда гораздо легче вытесняется другим чувством, чем «опровергается» логическими доводами».⁴ Советским и партийным активом на местах в проведении гражданской обрядности делается многое, однако успехи в этом еще не значительны.

Активистам можно порекомендовать пристальнее изучать опыт проведения гражданской обрядности, и именно в части похорон, накопленный в некоторых сельских районах Эстонской ССР, учитывая местную специфику.

Новый похоронный обряд только тогда будет принят населением, когда по своему эмоциональному воздействию, по художественному оформлению церемонии он окажется сильнее традиционного обряда. В разработке сценария нового обряда несомненно должны принять участие работники творческих организаций — писатели, композиторы, драматурги, художники.

Религиозная обрядность, регулируемая моленной, в какой-то мере характерна и для праздников. Раньше посещение богослужений в праздники было непреложным законом для людей всех возрастных категорий. За последние годы число религиозных праздников, которые отмечают посещением моленной, сильно сократилось. Тем не менее, на рождество, крещение, пасху, троицу, усенье (престольный праздник в Калласте) моленная наполняется людьми, причем не только верующими, а и теми, кто по привычке с детства рассматривает присутствие на богослужении как обязательный компонент праздника.

При опросе выяснилось, что многие жители Калласте ходят в моленную один раз в году — на пасхальную службу. Подготовка к пасхе — самому большому

³ Установлено, что «Все религиозные обряды и ритуалы... по своим механизмам нейродинамические стереотипы». И также, — «религиозные условные рефлексy, если они систематически повторяются в определенном порядке, могут складываться в определенную систему и становиться нейродинамическим стереотипом». (К. К. Платинов, Психология религии. М., 1967, стр. 28).

⁴ Там же, стр. 120.

празднику русских Причудья — включает и в настоящее время печение «пасток» и крашение яиц. Раньше принято было, что святить «пастку» в моленную нес хозяйин — глава семьи. До некоторой степени сохраняется эта традиция и в наши дни, хотя в целом свячение пасток считается обязательным далеко не в каждой семье. (См. табл. 5).

Таблица 5

Данные о приготовлении ритуальной еды перед пасхой, %

Группа	Пекут пастку		Носят святить			Красят яйца	
	Да	Нет	Да	Нет	Изредка	Да	Нет
Женщины							
I	9	91	—	100	—	45	55
II	53,6	46,4	14,2	82,1	3,7	82	18
III	80	20	20	80	—	100	—
IV	84	16	60,4	30,2	9,4	95	5
Мужчины							
I	—	—	—	100	—	—	—
II	—	—	8	84	8	—	—
III	—	—	33,3	66,7	—	—	—
IV	—	—	65	35	—	—	—

В табл. 5 приведены данные лишь по одному из моментов праздника — приготовлению ритуальной еды. И в общем-то цифры свидетельствуют о достаточно широком бытовании этой внешней принадлежности пасхи. Религиозная же сущность ее уходит. Возьмем для примера возрастную группу женщин 46—55 лет (III), 100% от числа опрошенных красят яйца, 80% — пекут пастку, однако несут святить ее лишь 20%.

К этому следует добавить, что семьи перед пасхой не постятся. Никто не гонит детей на пасхальную службу. Отец или дедушка, пришедший из моленной, не ставит всю семью на общую большую молитву, в семьях теперь редко христосуются. Пасха постепенно превратилась в бытовой весенний праздник, отмечаемый по традиции чистотой отремонтированного дома, обильной едой, питьем, хождением в гости. Собранный в Калласте материал подтверждает высказывание И. Кривелева: «Бытовое содержание праздников всегда оказывается более устойчивым, чем тот мифологический смысл, который в них вкладывается».⁵

Определенное место в категории семейной религиозности занимает и культ икон. Киот с иконами нередко называют «богом». В семьях сохраняются иконы, переходящие от отца к сыну, от матери к дочери. Иконы — «отцовское наделение» — женщины брали с собой в эвакуацию в 1941 году. Еще и теперь бывают случаи, что родители наделяют иконой сына или дочь во время свадьбы.

Украшение киота входит в обязанности хозяйки. В Калласте еще в 1930-е годы осуждали женщину, у которой «бог стоял голый», т. е. без бумажных цветов, фольги и прочих украшений.

Наличие икон в доме, значение их в семейной религиозной обрядности выяснялось из ответов на вопрос: Кто из членов семьи зажигает лампаду? Забота о лампадном масле, о том, чтобы лампада горела в положенные дни — дело стариков. Собственно, зажигать лампы молодым людям, которые нарушают многие предписания, старики и не разрешают.

Пышно украшенный киот имеет нередко декоративное значение и былой святости этот угол лишен (нередко в нем под иконами стоит телевизор). Но «в Калласте, наверное, нет дома, где бог не стоит, — сказала жена рыбака, — вот и у меня висят две иконы. И не верю вроде, а вынести неудобно, люди ведь сколько верили».

Сохранности икон способствует преемственность поколений, живущих в одних и

⁵ И. Кривелев. Важная сторона быта. «Коммунист» 1961, № 8, стр. 67.

тех же домах. Семьи, получившие квартиру в коммунальном городском доме, молодые пары, отделившиеся от родителей, икон не имеют.

Индифферентность к наличию в доме «бога» проявляется и в том, что учащаются случаи отказа молодых людей от икон, которыми их хотят наделить родители. Следовательно, бывшее значение икон как домашнего культового места постепенно стирается.

Тем не менее нельзя не отметить одной особенности старообрядческих семей, которая, по объяснению самих жителей, связана с наличием в доме икон.

На вопрос «разрешаете ли курить в доме» были получены ответы, помещенные в табл. 6.

Таблица 6

Сведения о разрешении курить в доме

	Мужчины				Женщины			
	I	II	III	IV	I	II	III	IV
Разрешают курить	20	24	22	9	18	21	26	7
Не разрешают курить	80	68	67	87	64	75	60	88
Безразличны	0	12	11	4	18	4	14	5

Как известно, курение у староверов издавна подвергалось запрету. Протест против иноземных нововведений вообще коснулся многих продуктов и предметов. Однако запреты со временем нарушались — одни давно (картофель, чай, сахар), другие (табак, водка) позже, в конце XIX — начале XX века. Курение папирос и сигарет особенно широко распространилось в послевоенные годы. Однако о запрете курения в доме помнят и нарушают его лишь в редких случаях. Обычно хозяин курит, пуская дым в отдушину для самоварной трубы, посторонние, зашедшие в дом, выходят курить в коридор. Даже сын, приехавший погостить из города, не осмелится закурить в комнате, обязательно выйдет.

Чем же является выполнение запрета в части курения? Составляет оно явление религиозно-бытовое или чисто бытовое, лишенное религиозного содержания? Определить это нелегко. Так, колхозник-рыбак 1926 г. рождения, который не придерживается ни одного из пунктов религиозной обрядности, а в конце 1940-х годов не разрешил крестить своих двоих детей, сказал: «у меня от этой веры только и осталось, что я в комнате не курю». Курить в доме запрещено из-за висящих в углу икон, следовательно, это религиозно-бытовое предписание. Но есть и другие примеры: во время длительного собрания правления колхоза рыбаки один за другим выходили из обширной комнаты председателя, чтобы покурить за дверью. Молодые женщины не разрешают курить мужьям дома и в том случае, когда нет икон. В целом, как показал опрос, независимо от возраста и наличия религиозных идей, во всех группах населения численный перевес составляют люди, которые не допускают курения в доме. И, следовательно, этот запрет является бытовой особенностью русского населения Калласте.

К явлениям семейной религиозности следует отнести и принятие христовославов. В рождественскую ночь наставник и «крылошане» делятся на две партии по 4—5 человек и ходят по домам, где славят Христа, за что им хозяева подносят водки, дают денег. Хождение христовославов — один из атрибутов праздника рождества — распространен в Калласте в настоящее время. Достаточно сказать, что в 1966 году христовославы побывали в семьях, составивших 82% от числа всех опрошенных семей. 14 семей, к которым они не зашли — молодые неверующие семьи, у которых нет икон. Впрочем, следует добавить, что требовательность наставника и его приближенных ревнителей веры значительно ослабла. Действовавшее раньше предписание, запрещавшее вступать в дом, где живут «мирские», теперь нередко игнорируется. Христовославы идут не только в те дома, где их ждут — горит лампада, не закрыта дверь, но и в те семьи, где есть «отпадшие» — некрещенные, члены партии. Правда, в послед-

нем случае наставник договаривается заранее и посещает дом обычно днем, когда молодые хозяева на работе.

Игнорирование былых строгих предписаний — свидетельство того, что и в старообрядческой догматике не все неизменно, что и здесь она перестраивается в соответствии с духом времени и требованиями жизни.

Материалы обследования семейной религиозности показывают, что наиболее стойко удерживаются обряды крещения детей и похорон с наставником. Лидерами в проведении их являются пожилые и старые люди. Обрядность, связанная с религиозными праздниками: посещение моленной, зажигание лампы (а, следовательно, культ икон), освещение пасок в моленной — соблюдают и проводят, как правило, старики. Люди среднего возраста, если и выполняют некоторые из этих обрядов, то не из-за религиозного их содержания, а по привычке, соблюдая местные традиции деревенской общественной жизни. Старики говорят: «Наша вера на волоске держится. Мы уйдем и вера уйдет...»

Проведенное в Калласте исследование позволяет до некоторой степени определить количественный характер религиозности.

Из данных, характеризующих религиозность и традиционную обрядность населения, мы отобрали те, которые относятся к индивидуальной религиозности: 1) регулярно исповедуется, 2) активно участвует в крестинах, 3) регулярно ходит в моленную, 4) регулярно зажигает лампаду, 5) держит пост.

Условимся, что все взятые показатели индивидуальной религиозности равнозначны и каждый из них равен единице. Величину интервала (шага) между ними примем за $\frac{1}{2}$. Положительный ответ в таком случае составит — 1, уклончивый ответ («иногда, не протестую») — $\frac{1}{2}$, отрицательный ответ — 0. Тогда каждому опрошенному из четырех возрастных групп можно вывести в зависимости от ответов соответствующий балл религиозности. Максимальный индекс религиозности равен 5, минимальный — 0.

Определив общий, а затем средний балл религиозности в возрастных группах, построим графики: 1 — соотношение религиозности и демографических данных (пол, возраст), 2 — зависимость религиозности от уровня образования.

Рис. 1. Выполнение религиозной обрядности.

Из рис. 1 можно сделать выводы:

1. Женщины более религиозны, чем мужчины. Факт этот — общераспространенный.
2. Наиболее религиозны люди группы «дедов» (средний балл мужчин — 2,7, женщин — 3,7). Это явление — прямое следствие условий формирования их обыденного сознания в дореволюционное время, когда старообрядческая религия оказывала активное воздействие на весь строй жизни людей и «религия всему закон была», как они сами говорят.

Группа «дедов» неоднородна по степени религиозности. В нее входят и так. наз. божьи люди, и верующие «для себя» и «хладнокровные».

Первые — «божьи люди» — стремятся неуклонно выполнять большинство тех наставлений, которые касаются образа жизни верующих. Они держат посты, регулярно исповедуются у наставника, активно посещают моленную, читают по покойнику, ходят славить Христа, не смотрят телевизор, в котором «находятся антихристы». Эти старые люди, не вовлеченные или устраняющиеся от социальных и культурных процессов, происходящих в жизни города, образуют небольшую группу, тесно примыкающую к моленной.

Подавляющую часть в группе «дедов» составляют люди, которые в комплексе принятой обрядности опускают некоторые предписания: не постятся, редко ходят в церковь — только по большим праздникам. Среди них местные жители выделяют «хладнокровных», которые хоть и придерживаются традиционной обрядности, но выполняют ее равнодушно, мирятся с некрещеными внуками. Люди этой категории иногда принимают участие в общественной жизни города, живо интересуются делами семьи, смотрят телевизионные передачи, читают газеты, журналы.

Как следует из рис. 1, довольно значителен балл религиозности и в группе «отцов».

Правомерен вопрос — будет ли и впредь увеличиваться религиозность у людей по мере того, как они станут перемещаться в старшие возрастные группы?

Весь комплекс современной жизни населения Калласте отрицает эту возможность.

В качестве решающего показателя ослабления религиозного воздействия следует считать то, что моленная утратила свой былой авторитет в сфере общественной жизни города. Ныне центром общественной жизни стали производственные ячейки города. Направляют общественную жизнь в этих организациях партийный, профсоюзный, комсомольский актив — люди атеистического мировоззрения.

Для настоящего времени характерно равнодушие жителей Калласте к религиозному учению и догмам, которые проповедует священник. Старообрядческая церковь не сумела ни оживить, ни осовременить богослужение. Действие рассказов о бже, святых и божественном устройстве мира, которыми бабушки «просвещают» своих внуков, оканчивается, когда дети идут в школу.

Происходит систематическое повышение уровня образования населения, а с ним неизбежное падение религиозности. Об этом свидетельствует рис. 2.

Показатели рисунка весьма характерны — резкое падение религиозности начинается в группе с незаконченным средним образованием, опускается до 0 у людей с высшим образованием.

Характерна широта потока культурной информации, который вливается в сознание людей средствами массовой коммуникации общения. Газеты выписывает каждая семья, их читают люди всех возрастов, дома радиофицированы, быстро увеличивается число телевизоров. В Калласте (по данным опроса 1966 года) смотрят телевизионные передачи 73% мужчин, 68,5% женщин. Не смотрят (из-за слабого зрения, нет своего телевизора, неудобно беспокоить соседей) — 23% мужчин, 25% женщин. Убеденных противников телевидения — единицы: 4% мужчин, 6% женщин.

Потускнели и потеряли свое значение вопросы религиозной морали. Люди не придерживаются строгих предписаний относительно норм поведения. И — что очень существенно — исчезла былая изоляция от инаковерующих, исчезает и само понятие инаковерия.

Изменилась суть моральных оценок людей. Высоко ценятся качества, присущие передовым труженикам, людям, получившим образование, поблек ореол верующих набожных людей.

Наличие всех этих факторов и их влияния на людей, не оставляет места для дальнейшего развития религиозности.

Таковы особенности последней стадии старообрядчества в Калласте.

Ослабление религиозного влияния на сознание людей в Калласте идет неотвратимо, представляя собой часть общего закономерного процесса.

Относительно большую устойчивость проявляет обрядность, которая поддерживается семьей и социальной средой маленького города, где значительная часть населения

Рис. 2. Зависимость религиозности от уровня образования.

не занята на производстве, где еще сохраняется традиционная структура общения людей, связанных семейными и соседскими узами.

*Институт истории
Академии наук Эстонской ССР*

Поступила в редакцию
5/XI 1967

E. RICHTER

PEIPSI-ÄÄRSE VENE ELANIKKONNA RELIGIOOSSUSEST

Resüme

Peipsi-äärsete vene külade elanikkond kujunes XVIII sajandi lõpul ja XIX sajandi algul siia asunud vanausuliste kahest voolust: pomooridest ja fedossejevlastest.

Suurem osa vanausulisi kuulus väikekodanliku ilmega küla- ja alevikogukondadesse. Kuni 1940. aastani puudus neil maa, nad tegelesid kalapüügiga, käisid müürseppadena ulgtöödel ja kasvasid õue-aiamaal juurvilja.

Kalapüük ja juurviljakasvatus pole kaotanud oma majanduslikku tähtsust tänapäevalgi. Ses suhtes ei moodusta Kallaste linn, mille elanikud on käesoleva uurimistöo objektiks, mingit erandit. Linnas asub 21. juuni nimeline eesrindlik kalurikolhoos, kus kalurite arv ulatub sajani, naispere aga, kes ei tegele kalapüügiga, kasvatab müügiks sibulat. Osa Kallaste elanikkonnast töötab kohalikes väikestes kergetööstusettevõtetes (tööstuskombinaat «Kalev», Tartu Kammivabriku Kallaste tsehh), kolhoosidevahelises ehitusorganisatsioonis, administratiiv- ja kultuuriasutustes.

Viimase veerandsaja aasta jooksul on Peipsi-äärse elanikkonna ühiskondlikus elus ja kultuuris toimunud küllaltki tähelepanuväärsed muutused. On säilinud aga ka mitmeid ühiskondliku ja perekondliku eluga seotud vanu traditsioone.

Paljust Peipsi-äärse vene vanausulise elanikkonna kaasaegse elu-olu ja kultuuriga seotud probleemidest on üks huvipakkuvamaid tema religioossuse küsimus kaasaja tingimustes.

Usklike inimeste arvu, nende usu sügavuse ning usundiliste tavade osatähtsuse määramine ühiskondlikus ja perekondlikus elus ei paku mitte ainult kohalikku, vaid ka üldist huvi, kuna see annab võimaluse jälgida kunagi väga laialt levinud fanaatilise religioosse voolu viimase staadiumi iseärasusi.

Et teha kindlaks usklikevorme astet ja tema esinemisvorme, teostati Kallastes 1966. aasta märtsis vastav uurimistöo 70 perekonnas, kellest enamik on kaluripered — pomooridest vanausuliste järeltulijad.

Küsitlusmeetodiks oli valitud intervjuu. Küsitleti 170 inimest. Saadud andmed kanti tabelitesse nelja vanusegrupi järgi (I — 17—32-aastased, II — 33—45-aastased, III — 46—55-aastased ning IV — 56-aastased ja vanemad).

Ankeedi küsimused olid koostatud selliselt, et vastuste järgi oleks võimalik välja selgitada, missugune on individuaalse usklikevorme aste, millisel määral peetakse kinni traditsioonilistest kirikutavadest ja kes juhib kombetalitisi perekonnas. Peale selle sisaldas ankeet mõningaid küsimusi vaba aja veetmise kohta: kas loetakse ajalehti, ajakirju ja vaadatakse televiisorit.

Kallastes läbiviidud uurimistöo lubab teatud määral kindlaks teha religioossuse välist ulatust kohalike elanike hulgas.

Andmetest, mis iseloomustavad üldiselt elanikkonna religioossust ja traditsioonilisi usundlike tavasid, valisime välja need, mis võimaldavad saada pildi eriti individuaalsest religioossusest: 1) kas käiakse regulaarselt pihil, 2) kui aktiivselt ristitakse lapsi, 3) kas käiakse regulaarselt palvemajas, 4) kas süüdatakse regulaarselt lamp ikooni ees ja 5) kas peetakse paastu.

Arvestasime tinglikult, et kõik individuaalse religioossuse näitajad on võrdsed. Sellest lähtudes hindasime jaatava vastuse 1, kõhkleva («mõnikord», «ei vaidle vastu») — 0,5, eitava vastuse — 0 palliga. Nii saame neljast vanuserühmast iga küsitletu kohta nende vastuste alusel välja arvutada vastava religioossuse palli, kusjuures maksimaalseks on 5, minimaalseks 0 palli.

Kindlaks määratud religioossuse üldise, seejärel aga keskmise palli vanuserühmades, on võimalik koostada graafikud, mis kajastavad religioossuse ja demograafiliste andmete (sugu, vanus) omavahelist suhet (joon. 1) ja religioossuse ning haridusliku taseme suhet (joon. 2).

Joonisel 1 näeme, et

- 1) naised on usklikumad kui mehed (mis muide on üldtuntud tõsiasi) ja
- 2) usklikumad on vanemad, üle 56 eluaasta vanad inimesed, keda me tinglikult nimetame «vanaisade» gruppiks (meestel keskmiselt 2,7, naistel 3,7 palli).

Viimane tõsiasi tuleneb otseselt inimeste teadvuse kujunemise tingimustest revolutsioonieelsel ajajärgul, mil vanausuliste religioon aktiivselt mõjutas inimeste kogu elu-olu ja mil «usk oli kõigile seaduseks», nagu vanausulised ise räägivad. Kuid «vanaisade» grupp ei ole oma usklikkusest sugugi ühtlane. Temasse kuuluvad nii «jumalainimesed» ja uskujad «enese jaoks» kui ka «külma verega inimesed».

Esimesed, «jumalainimesed», püüavad kõrvalekaldumatult täita enamikku kohustustest, mis kuuluvad uskliku inimese eluviisi: nad peavad paastu, käivad regulaarselt pihil, samuti palvemajas, loevad palveid surnut valvates, käivad majast majja Kristust lauluga ülistamas, ei vaata televisioonisaateid, kuna selles olevat «tegu antikristusega». Need linna sotsiaalsest ja kultuurielust eemale hoiduvad vanad inimesed moodustavad väikese, tihedalt palvemaja juurde koondunud grupi.

Valdava osa «vanaisade» grupis moodustavad inimesed, kes ettenähtud kiriklike tavandite kompleksist hülgevad nii mõnedki ettekirjutised: ei paastu, käivad kirikus harva, ainult suurte pühade ajal. Nende hulgast eraldavad kohalikud elanikud «külma verega inimesed», kes küll mõnevõrra peavad kinni traditsioonilistest kiriklikest tavandest, kuid täidavad neid ükskõiksest, lepivad lastelaste ristimata jätmisega jms. Sellesse kategooriasse kuuluvad inimesed võtavad vahetevahel osa ka linna ühiskondlikust elust, tegelevad elavalt perekondlike asjadega, vaatavad televiisorit, loevad ajalehti ja ajakirju.

Nagu küsitlustest selgub, on religioossus küllalt tugev ka «isade» grupis (45–56-aastased) — meestel 1,6, naistel 2,4 palli.

Tekitab õigustatud küsimus, kas üleminekuga vanemasse vanusegruppi inimeste usklikkus suureneb? Kallaste elanikkonna kaasaegne elu-olu tervikuna eitab seda võimalust.

Religioossuse mõju nõrgenemise peamiseks näitajaks tuleb lugeda seda, et palvemajad on kaotanud oma endise kaalu. Kallaste ühiskondliku elu keskuseks ei ole enam palvemaja, vaid linna tootmisasutused, kus ühiskondlikku elu suunavad partei-, ametiühingu- ja komsomoliaktiiv.

Tänapäeval on Kallastele üldiselt iseloomulik ükskõikne suhtumine religiooni ja tema dogmadesse, mida jutlustab vaimulik. Ka pole vanausuliste kirik suutnud oma jumalateenistusi muuta ei elavamaks ega kaasaegsemaks.

Toimub elanikkonna haridustaseme pidev tõus ning koos sellega religiooni paratamatult hääbumine (joon. 2). Kiire religioossuse langus algab lõpetamata keskharidusega inimeste grupis ning jõuab nullini kõrgema haridusega inimeste juures. Loomulikult mõjutab inimeste teadvust ka laialt kättesaadav informatsioon. Iga perekond tellib ajalehti ja neid loevad inimesed igas vanuses. Kodud on radiofitseeritud, kiiresti kasvab televiisorite arv. Kallastes vaatasid 1966. aasta küsitluste andmeil televisioonisaateid meestest 73 ja naistest 68,5 protsenti.

On tuhmunud ja kaotanud oma tähenduse religioosse moraalil küsimused. Inimesed ei pea enam kinni rangelt ettekirjutatud käitumisnormidest. Eriti oluline on aga see, et kadunud on endine eraldatus «võõrausulistest», kadumas on ka mõiste «võõrausuline» ise.

Mõnevõrra on muutunud ka inimeste moraalne hindamine. Kõrgelt hinnatakse eesrindlikke inimesi, kes on saanud hariduse, muutub kahvatuks usklikke jumalainimeste oreool. Kõigi nende faktorite olemasolu ning mõju inimestele ei jäta ruumi religioossuse edasisele kujunemisele. Võime väita, et religiooni mõju inimeste teadvusele Kallastes nõrgeneb pidevalt, kujutades endast ühte lüli üldises seaduspärases protsessis.

Suhteliselt kõige vastupidavamad on kiriklikud tavad, mida toetavad perekond ja väikelinna sotsiaalne keskkond, kus küllaltki suur osa elanikkonnast pole veel tõmmatud tootmistöösse ja kus siiani on säilinud küllaltki tugevad traditsioonid nii perekondlikes suhetes kui ka läbikäimises naabritega.

Eesti NSV Teaduste Akadeemia
Ajaloos Instituut

Saabus toimetusse
5. XI 1967

E. RICHTER

ON THE RELIGIOUSNESS OF THE RUSSIAN POPULATION
OF THE WESTERN SHORE OF LAKE PEIPI

Summary

The population of the Russian villages on the west coast of Lake Peipsi was formed by the descendants of the adherents to two formations of "old-believers": the Pomorski and Fedoseevski creeds, who immigrated to these parts at the end of the 18th — beginning of the 19th centuries.

In the past, most of the inhabitants of those villages belonged to petty-bourgeois strata. Right up to 1940 they did not own any land, their occupations being fishing, market-gardening on personal plots, or going out to work as masons. Fishing and market-gardening have not lost their economic significance at the present time either. And in this case the town of Kallaste, which is taken as the object of our study, is no exception. It is the site of a progressive fishing collective farm, named the 21st of June Farm, which unites over 100 members. The fishermen's wives who are not employed in the fishery industry grow onions for sale. Part of the residents of the town work at medium-sized light-industry enterprises (e. g. the combined industrial enterprise "Kalev", the Kallaste workshop of the Tartu Comb Factory), or in the intercollective farm building organisation, or in various administrative and cultural establishments.

In the past quarter of a century, considerable progress was made in the spheres of social life and culture of the population of the west coast of Lake Peipsi. At the same time, however, some ancient traditions connected with social and family life have been preserved as well.

Out of the broad range of questions connected with the contemporary way of life and culture of the Russian inhabitants of the west coast of Lake Peipsi, a most interesting one is the problem of their religiousness under contemporary conditions.

Recording the number of religious people, determining the degree of their religiousness and the place that religious rites occupy in their public and family life are problems not only of private, but also of common interest, as they provide a possibility of determining the peculiar features of the last stage of the existence of a once widespread fanatic religious current.

In order to determine the degree of religiousness and the forms of its manifestation, an investigation of 70 families was conducted in Kallaste in March, 1966. Most of them were families of fishermen, descendants of the adherers of the Pomorski sect. As to methods of investigation, that of an interview was chosen. The general number of those involved in the interview amounted to 170. The results obtained are marked in tables, according to four age-groups (from 17 to 32; from 33 to 45; from 46 to 55; older than 56 years of age).

The questions of the questionnaire were composed in such a manner that it might be possible, according to the answers, to define the degree of individual religiousness, to state how far religious traditions were observed, and to define which member of the family was responsible for the observation of religious rites. The questionnaire also included some questions concerning the forms of spending the leisure-time — whether newspapers and magazines were read, telecasts watched, etc. The research work conducted in Kallaste allows us, to some degree, to define the extent of religiousness among the residents of the town.

Out of the data characterizing the religiousness and the observance of traditional rites among the population, those were singled out that concern individual religiousness in particular: 1) attendance of confession, 2) active participation in baptizing children, 3) regular attendance of services in chapel, 4) regular lighting of the icon-lamp, 5) keeping the fast.

At the working up of the data concerning individual religiousness it was assumed that all the indices were equal, each affirmative answer counting 1 point, hesitating answer ("sometimes", "I don't protest") — 0.5 and a negative answer — 0. Each person interrogated out of four age-groups received a corresponding mark on his or her religiousness, in dependence on the answers, the maximum index of religiousness amounting to 5, the minimum to 0 points.

Having received the general and after that the mean marks for religiousness in the age groups it has been possible to compile diagrams showing the correlation between religiousness and demographic data (sex, age) (Fig. 1), and the correlation between religiousness and the level of education (Fig. 2).

Figure No. 1 shows, as follows:

1. Women are more religious than men (by the way, a rather usual phenomenon).
2. The most religious people are older than 56, conditionally named by us the "grandfathers" (average mark of men — 2.7, women — 3.7). This phenomenon is a direct result of the formation of their consciousness in the prerevolutionary period, when religion actively influenced the whole way of life of those people, and, as they themselves say — "religion was the law for everyone".

The group of the "grandfathers" is not at all homogeneous in the degree of religiousness. It includes the so-called "god's people", believers "for themselves" as well as the "indifferent ones".

The first group, the "god's people" try to fulfil infallibly most of the duties of the believers. They keep fasts, regularly confess to the priest, attend clerical services and do not watch TV, since it is "connected with Antichrist". Those old people who do

not take any part in the social or cultural activities of the residents of the town form an inconsiderable group which is closely rallied round the chapel.

The overwhelming part of the group of "grandfathers" is composed of people who do not observe all of the rules prescribed by their religion: they do not fast, and attend chapel but only on big holidays. The local people differentiate among those people the group of the "indifferent ones", whom they call the "coldblooded". Those "indifferent ones", though observing the clerical rites to a certain extent, assume an indifferent attitude towards them and do not mind unbaptized grandchildren. Sometimes they take part in the public life of the town, occupy themselves with family matters, watch TV, read newspapers and magazines.

According to the data of the questionnaire, the degree of religiousness is also quite high in the group of the "parents" (46—55 years of age), the mark of the men being 1.6, and that of the women — 2.4.

The question whether the religiousness of the people will increase together with their age seems to be justified. The general development of contemporary life at Kallaste excludes this possibility.

Decisive proof of the weakening influence of religion is that chapel has lost its predominating role in the life of the town. At present the centre of public life is not the chapel but the productional establishments of the town, where social activities are directed by the active members of the party, trade unions, and komsomol organizations.

At the present time, a typical feature of the population of Kallaste is the indifference to religion and to the dogmas preached by the priest. The old-believers' church has not been able to enliven its services or make them more contemporary.

A systematical growth of the level of education of the population is taking place, and together with it an inevitable decline of religiousness, as proved by diagram No. 2. The indexes of the diagram are very typical — a sharp fall of religiousness starts in the group of people having an unaccomplished secondary education, arriving at 0 with the people having a higher education. Typical is the broad stream of cultural information which is getting available to the wide masses of the population. Every family subscribes to newspapers, which are read by people of all ages. There is a radio in every house, and the number of the TV sets grows fast. In Kallaste (according to the data of the questionnaire of 1966), TV performances are watched by 73 per cent of men and 68.5 per cent of women.

The problems of the religious morale have lost their former significance. People do not observe the strict prescriptions concerning the norms of conduct any longer. And what is very significant — the former isolation of the old-believers from adherers to other religions has disappeared.

The substance of the moral appraisal of other people has changed likewise. The most valued people nowadays are front-rank workers and educated people, the "halo" of the religious people has faded. The presence of all these factors and their influence upon the people have left no place for a further development of religiousness at Kallaste.

The weakening of the influence of religion on the people of Kallaste is inevitably progressing, being a part of the general regular process. The significance of the clerical rites is relatively considerable, since those rites are still kept by families living under the conditions of a minor urban settlement where a great part of the population is not occupied in industry and where rather deep traditions prevail in family life and in the intercourse with neighbours.

*Academy of Sciences of the Estonian SSR,
Institute of History*

Receivad
Nov. 5, 1967